

РОССИЙСКОЕ МЕШОЧНИЧЕСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

А.Ю. ДАВЫДОВ

*Российский государственный
педагогический университет
имени А.И. Герцена*

e-mail: davydov.au@mail.ru

В статье раскрывается содержание понятия «российское мешочничество». Выяснено, как изменялись его интерпретации на разных этапах истории. В центре внимания автора находится эволюция основных историографических подходов к характеристике мешочничества и нелегального рынка периода гражданской войны в России.

Ключевые слова: историография, гражданская война, военный коммунизм, мешочничество, самоснабжение, черный рынок, ходоки, спекуляция, продовольственная диктатура, заградительные отряды.

В истории России XX в. народное самоснабжение сыграло спасительную роль. Следовавшие одна за другой катастрофические ситуации приводили к развалу систем снабжения населения продовольствием и предметами широкого потребления. Простые граждане вынуждались браться за налаживание товарообмена между потреблявшими провизию (промышленными) и производившими продовольствие регионами. Снабжение самих себя (самоснабжение) в России приняло прежде всего форму мешочничества. Наивысшего подъема оно достигло в годы гражданской войны, когда в нем участвовало большинство активного населения страны. При этом государство стало упорно (и безрезультатно) добиваться установления единовластия в важнейшей сфере распределения продуктов и товаров широкого потребления. Соответственно оно в большинстве случаев всячески пыталось искоренить мешочничество, которое волей-неволей становилось нелегальным.

Вырабатывалась сложная система взаимоотношений между нелегальными снабженцами и многочисленными агентами государства. Колоссальные российские просторы, бесчисленные опасности на дорогах, необходимость укрываться от контроля деспотического и коррумпированного государственного аппарата – всё это содействовало широчайшему распространению именно мелкого мешочнического самообеспечения и превращению его в главное занятие россиян. По авторитетному заявлению профессоров А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса мешочничество выразило «своеобразие экономики Советской республики в период гражданской войны»¹. Иными словами, экономика стала мешочнической. Так как функции организации такой экономики были распределены между миллионами граждан, то и общество условно можно назвать мешочническим.

Несмотря на важнейшую роль мешочничества, исследователи в общем равнодушно относились к теме. В частности, некоторые авторы опасались крайней недостаточности данных для серьёзного изучения народного нелегального снабжения. Ошибочное мнение: материалы имеются, но их необходимо собирать по крупицам; они разбросаны по страницам бесчисленных источников. Главное же, как представляется, состоит в том, что по сути дела историки нередко пренебрегали «историей народа». Предпочитали идти по накатанному пути исследования истории политики, иначе говоря «истории начальников». Для понимания народной жизни последняя представляет большую значимость. Плохо лишь то, что преимущественно к ней привлекалось внимание.

Ситуацию очень точно объяснил русский писатель М.А. Осоргин. Вспоминая о жизни в годы Гражданской войны, в своей автобиографической книге «Времена» он заявил, что историки по привычке отдадут пальму первенства «многодумным людям» – политикам и вообще руководителям, начальникам. Он предвидел, что «в истории впишется всё иначе, прилежнее, аккуратнее, с догадками, выводами, именами и датами – в руководство будущим поколениям». И далее автор отмечал: «А солдата, продававшего

¹ Развитие советской экономики / под. ред. А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса. М., 1940. С. 116.

из-за пазухи «игранный» (т.е. выигранный в карты – А.Д.) сахар, бывшую даму, поменявшую будильник на щепотку муки ...история не припомнит за малостью и ненужностью на страницах её соломенной бумаги»². Справедливость требовала помнить, чем жили и как выживали в суровые годы миллионы тех, кого принято называть «простыми» или «маленькими» людьми. Ведь они то и есть народ, сознание и облик которого в конечном счете определяют исторический процесс.

Место рассматриваемого явления в народной жизни начинает выясняться уже при изучении происхождения и эволюции термина «мешочник». Он появился задолго до 1917 г.: по крайней мере, во второй половине XIX в. Тогда им определяли чаще всего тех книжников-букинистов, которые не имели постоянного места торговли и разносили книги в переносных мешках. Оба конца мешка зашивались наглухо, а посередине делался разрез; они наполнялись книгами с обеих сторон и перекидывались через плечо. Такие букинисты, по свидетельству очевидца Н.И. Свешникова, были людьми «разбитными, то есть ловкими, изворотливыми и смелыми». Именно у них покупали запрещённые цензурой книги политического или порнографического содержания³.

В условиях I мировой войны смысл мешочничества принципиально изменился. Военные обстоятельства, ошибки и пороки политики Временного и большевистского правительств содействовали появлению и стремительному увеличению числа мелких нелегальных добытчиков и перевозчиков продовольствия, а также товаров ширпотреба. Мешочничество заменяло разрушавшиеся на глазах заготовительный, транспортный, распределительный, торговый аппараты. Явление приобрело в период гражданской войны столь значительные размеры, что экономику стали называть мешочнической.

Главным средством перемещения десятков миллионов тонн тяжестей были простые мешки, отсюда – широчайшее распространение оригинального прозвища нелегальных снабженцев населения. Однако не всё так просто. Крестными отцами вольных добытчиков продуктов стали в 1917 г. государственные продовольственники, т.е. служащие, призванные как раз искоренить «анархический способ добывания пищи»⁴. Поэтому термин с самого начала содержал оттенок уничижительности. Писали «меше'чник» и иронический смысл непременно подчёркивали кавычками; в результате должно было создаваться представление о чём-то несущественном и злобредном. Но постепенно мешочники доказывали государству свою силу. Уже в издании, вышедшем в свет в марте 1918 г., обнаруживаем привычное написание слова⁵. Реже употреблялись и кавычки. Впрочем, по привычке в 1920-1930-е гг. отдельные авторы ещё использовали распространённый в 1917 г. термин⁶.

Самим мешочникам официальное название не нравилось. «Я – мешочник, – возмущался один из них в 1918 г., – но не знаю, почему нам дали это обидное имя»⁷. Вольные добытчики продовольствия именовали себя «ходаками». В отдельных местностях их называли «петроградцами», «калужанами», поскольку там был высок удельный вес жителей соответствующих губерний среди нелегальных снабженцев. Некоторые публицисты и писатели величали последних «паломниками» или «контрабандистами»⁸. Высокопарно писали о «хлебных аргонавтах, ...устремлявшихся в неведомые дали за желанным хлебом»⁹. Современник описываемых событий, тонкий знаток народной жизни М.М. Пришвин предостерег против героизации мешочников, которых назвал «ушкуйни-

² Осоргин М.А. Времена. Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург, 1992. С. 578.

³ Свешников Н.И. Воспоминания пропадающего человека. М., 1996. С. 193.

⁴ Известия Воронежского губернского продовольственного комитета при Воронежском губернском исполкоме Совета р., к. и к. депутатов. 1918. 13 октября. № 26. С. 1.

⁵ Продовольственное дело. Издание Московского губернского продовольственного комитета (МГПТК). 1918. № 5. С. 5.

⁶ Жирмунский М.М. Частный капитал в товарообороте. М., 1924. С. 2; Развитие советской экономики / под. ред. А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса. С. 110.

⁷ Продовольственное дело. Издание МГПТК. 1918. № 5. С. 11.

⁸ Там же. С. 16; Известия Казанского губернского продовольственного комитета. 1917. № 8. 14 октября. С. 24.

⁹ Известия Уфимского губернского продовольственного комитета. 1917. № 16-17. 17 ноября. С. 3.

ками»; имея в виду «разбойничий» элемент в их деятельности, частое использование оружия, обращение к насилию¹⁰.

Нередко нелегальное снабжение 1917–1921 гг. отождествляли со спекуляцией. Это неверно. Показательно, что официальные документы различали их. Соответственно, разницу пытались определить исследователи. С.И. Ожегов, например, называл мешочничество разновидностью спекуляции¹¹. Некоторые считали, что мешочник выменивал продукты у крестьян, в то время как спекулянт покупал за деньги¹². С подобными утверждениями нельзя согласиться. В самом деле, что такое спекуляция? Правильный ответ на этот вопрос дали современники «русской смуты». На совещании в Министерстве торговли в начале августа 1917 г. спекуляцией была названа «всякая скупка и сокрытие товаров первой необходимости, а также отказ в продаже их в целях взвинчивания цен»¹³. В журнале Харьковского губернского продовольственного комитета в январе 1918 г. отмечалось, что спекуляция заключается в сокрытии предметов массового потребления, в продаже их по ценам, не вызываемым условиями производства и сбыта, по ценам, превышающим твёрдые¹⁴. Таким образом, спекуляция, связанная исключительно с перепродажей товаров, выступает разновидностью мешочничества (а не наоборот). Не случайно современники говорили о «мешочничестве различного рода». В этой связи очевидцы выделяли две основные разновидности или формы мешочничества – спекулятивное (профессиональное) и так называемое потребительское («мешочничество по нужде»)¹⁵. Соотношение между формами постоянно менялось.

Обратимся к современным толкованиям понятия. В литературе конца XX в. стали отождествлять мешочничество с «вольным чёрным рынком продовольствия»¹⁶. Однако его представители брали на себя и снабжение промышленными товарами. Кроме того, понятие «чёрный рынок» в нашем случае вряд ли стоит употреблять из-за его аморфности, публицистической неопределённости. Вот, например, одна из интерпретаций термина: «Чёрным рынком мы называем всеобъемлющую систему искажённых экономических отношений, с неизбежностью возникающую как компенсация фундаментальных разрушений естественных экономических (рыночных) связей»¹⁷. Формулировка явно отличается неопределённостью. Правильнее в дальнейшем употреблять словосочетание «нелегальное снабжение» и исторически сформировавшийся термин «мешочничество». Применительно к 1917–1922 гг. эти понятия были тождественными. Они определяли запрещённые государством мелкие и мельчайшие товарообменные операции, а также доставку и распределение отдельными гражданами или их небольшими коллективами продовольствия и предметов широкого потребления. Между прочим, широко употреблявшийся термин «самоснабжение» несколько принижает роль изучаемого явления: он предполагает, что мешочничество было дополнением к какому-то основному каналу обеспечения населения всем насущно необходимым. На деле в одни периоды нелегальное снабжение было единственным, а в другие – оно существовало на равных и рядом с легальным. Нет смысла в использовании не вполне точных словосочетаний.

В самое последнее время рассматриваемое явление наконец-то получило соответствующее толкование в научной литературе, иначе говоря, была выработана дефиниция: «Мешочничество – массовое социальное явление в годы гражданской войны, возникшее на почве продовольственного кризиса и товарного голода. Мешочники, в основном крестьяне, привозили в города (в мешках) продовольствие сверх установленных Советской властью с целью продажи и обмена для приобретения промышленных товаров...»¹⁸. Это

¹⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922 гг. М., 1995. С. 15–16.

¹¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 301.

¹² Кибардин М.А., Медведев Е.И., Шишкин А.А. Октябрь в деревне. (На материалах Среднего Поволжья). Казань, 1967. С. 84.

¹³ Продовольствие. Орган Нижегородской губернской продовольственной управы. 1917. № 8. 4 августа. С. 7.

¹⁴ Продовольственное дело. Орган Харьковского губернского продовольственного комитета. 1918. № 1–2. 11 января. С. 3.

¹⁵ Известия Петрокомпрода. 1919. 8 февраля. С. 2.

¹⁶ Семенникова Л.Н. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1999. С. 379.

¹⁷ Тимофеев Л. «Чёрный рынок» как политическая система. Вильнюс; Москва, 1993. С. 13.

¹⁸ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1. 1918–1922. М., 1998. С. 739.

определение, хотя и несколько упрощает существо процесса (заужены его хронологические границы, к мешочникам относят преимущественно крестьян), в целом представляется приемлемым.

На очереди – характеристика историографии темы. Необходимость научного осмысления проблемы стала осознаваться ещё некоторыми дальновидными современниками революционных событий. Учёный и организатор продовольственного дела Н.А. Орлов писал в середине 1918 г.: «Мешочники – это модная теперь тема. Мешочника хвалят и порицают, с ним борются и его поддерживают. Однако до сих пор социально-экономическая природа мешочничества не выяснена»¹⁹. С ним полностью соглашался теоретик кооперации В.В. Шер, который в мае 1919 г. сокрушался: «К сожалению, вся эта область хозяйственной деятельности (мешочничество) не поддаётся в данное время систематическому изучению. Она остаётся предметом случайного, несистематизированного наблюдения»²⁰.

Почти забытой была тема «мелкое нелегальное снабжение в 1917 г.». Авторы ограничивались в этой связи высказываниями самого общего плана. Отмечали негативную роль нелегального снабжения при Временном правительстве, обнаруживали в нём причину срыва хлебозаготовок. Считали, что привезёнными мешочниками продуктами пользовались лишь богачи, а вовсе не большинство населения²¹. Пытаясь как-то определить периоды развития нелегального снабжения, З.В. Атлас писал, что в 1917 г. оно «существовало», а в последующие годы «широко развилось»²². Одну из причин развала хлебного дела в революционном году учёные усматривали в недостаточной жёсткости методов борьбы с мешочничеством²³. При этом историки приводили данные о катастрофическом сокращении поступления продовольствия в города, но не объясняли, почему их жители не вымерли от голода ещё осенью 1917 г. Думается, угроза голода и её роль как предпосылки политических пертурбаций в тот период скорее всего преувеличены. В данном отношении явно недооценивается снабженческая миссия нелегального рынка. Его непредвзятое осмысление окажет серьёзную помощь в постижении смысла российских революций.

В общей сложности состояние мешочничества становилось объектом специального исследования всего дважды. Оба раза авторами были очевидцы событий, которые привели немалый фактический материал, но рисовали мешочничество чёрной краской. Речь идёт о небольшой брошюре наркома продовольствия Украины М. Владимирова (1920 г.) и солидной статье историка М. Фейгельсона (1940 г.)²⁴. В основном же проблему рассматривали мимоходом и в контексте исследования экономической, прежде всего продовольственной, политики Советской власти. Некоторые учёные пытались в общих чертах определить сущность явления. Известный меньшевистский деятель эмигрант Д. Далин в 1922 г., а также крупный советский экономист Л.Н. Юровский в 1928 г., изучая отечественное народное хозяйство времён Гражданской войны, назвали мешочничество мелкой нелегальной торговлей хлебом²⁵. На деле речь следует вести о более широком и сложном явлении. Не случайно исследователь С.Г. Струмилин увидел в мешочничестве олицетворение частной торговли «военного коммунизма»²⁶. К разряду скрытого частного предпринимательства относил его и М.М. Жирмунский²⁷.

¹⁹ Орлов Н.А. Король умер – да здравствует король // Известия Наркомата продовольствия (НКП). 1918. № 9. С. 3.

²⁰ Шер В. Социалистический Компрод и индивидуалист-мешочник // Вестник Московского союза кооперативных объединений. 1919. 10 марта. № 1. С. 10.

²¹ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 420; Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. Л., 1990. С. 198.

²² Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917-1925 гг.). М., 1940. С. 84.

²³ Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 18.

²⁴ Владимиров М. Мешочничество и его социально-политические отражения. Харьков, 1920; Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним в пролетарском государстве // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 70-84.

²⁵ Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 123; Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927). М., 1928. С. 63.

²⁶ См.: Далин Д. Указ. соч. С. 190.

²⁷ Жирмунский М.М. Частный капитал в товарообороте. М., 1924. С. 7.

Сам процесс нелегального снабжения до крайности упрощался и зачастую его сводили к «поездкам» мешочников в хлебные районы. Дело в том, что в годы «русской смуты» власти обращали внимание почти исключительно на видимую часть айсберга. Их представители обнаруживали мешочников на вокзалах, в поездах, на пароходах и об этом упоминали в своих отчётах. Соответственно, многие важные сферы деятельности нелегальных снабженцев (изучение рынка, товарообменные операции, общение с крестьянами и т.д.) оставались в тени. Поэтому исследователи в лучшем случае изображали единственный – «дорожный» – сюжет сложного и многопланового исторического явления. К тому же обществоведы нередко противоречили сами себе. Так, признавая массовый характер нелегального снабжения, указывали в то же время на то, что простые люди не могли пользоваться доставленным мешочниками продовольствием из-за дороговизны. Получается: десятки миллионов везли еду для нескольких десятков тысяч избранных. В это не верится.

На первых порах в литературе ещё встречались двойственные оценки нелегального снабжения. В работах 1920-х гг. содержалось неременное указание на «коррупционность мешочнического рынка», но признавалось и его значение для спасения людей от голодной смерти. Профессор Н.Д. Кондратьев, с одной стороны, определял мешочничество как «высшую уродливую форму распыления хлеботоргового оборота», а с другой – высоко оценивал его спасительную роль в выживании народа²⁸. Однако с начала 1930-х гг. оценка нелегального снабжения периода «военного коммунизма» утратила противоречивость, утвердилась «единственно правильная», официальная «классовая» точка зрения. Мешочников объявляли контрреволюционерами и уголовниками, их деятельность признали исключительно вредной и опасной.

Советские авторы чаще всего называли действия мешочников контрреволюционным «разгулом», «контрреволюционной акцией», «отвратительным наследием капитализма», «формой ожесточённой борьбы капитализма с коммунизмом». Мешочников сравнивали с «наиболее отсталой частью рабочих»; с людьми, которые «развращали менее отсталые слои рабочего класса»²⁹. Они были и «подрывателями основ продовольственной политики», и «нарушителями планового распределения» и т.д. Один автор и вовсе сгустил краски: «Мелкобуржуазная стихия (а не голод? – А.Д.) захлёстывала недостаточно сознательных рабочих, которые становились на путь добычи хлеба в одиночку, на путь мешочничества»³⁰. В 1960 г. издатели одного документального сборника по ошибке назвали мешочничество «мошенничеством». Выразительная опечатка! Как представляется, негативные параметры изучения явления были заданы ещё до начала исследовательской работы и о ее объективности говорить не приходится.

Вместе с тем в некоторых вышедших в свет в 1960–1980-е гг. работах звучали (в сравнении с трудами трёх предшествовавших десятилетий) новые мотивы. Мешочничество начали признавать «порождением войны и революции» (а не чьих-то «происков»), исторически обусловленной «формой товарообмена между городом и деревней». Хотя при этом авторы на первый план выдвигали его первостепенную роль в срыве государственных хлебозаготовок³¹. Налицо новое противоречие: либо «люди с мешками» сорвали хлебозаготовки и, следовательно, организовали голод, либо сами были его порождением. Требовалось чётко расставить акценты. Между тем нередко современные авторы по-прежнему усматривали в нелегальном снабжении «средство классовой борьбы». Деятельность заградительных отрядов романтизируется, а их самих изображают «верными стражами» национальной продовольственной политики. К сторонникам сугубо «револю-

²⁸ Кондратьев Н.Д. Рынок и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 199.

²⁹ Фейгельсон М. Борьба за хлеб в Царицыне // Проблемы экономики. 1940. № 1. С. 152; Бизяев Т. К вопросу об организации народных масс в борьбе за хлеб в 1918 г. // Ученые записки Новозыбковского педагогического института. Т.2. Брянск, 1955. С. 28; Макаренков М.Е. Московские рабочие в борьбе с продовольственными трудностями в 1918 г. // 40 лет Великого Октября: сб. трудов. М., 1957. Вып. 2. С. 18; Соколов С.А. Революция и хлеб. Из истории советской продовольственной политики в 1917-1918 гг. Саратов, 1967. С. 64, 82; Филиппов И.Т. Продовольственная политика в России в 1917-1923. М., 1994. С. 84.

³⁰ Бизяев Т. Указ. соч. С. 9.

³¹ Дмитренко В.П. Некоторые итоги обобществления товарообмена в 1917-1920 гг. // Исторические записки. Т. 79. М., 1966. С. 234-235; Давыдов М.И. Борьба за хлеб. М., 1971. С. 93.

ционных» (преимущественно насильственных) методов борьбы с мешочничеством относятся и отечественные авторы книг, вышедших в свет на рубеже 1980-х – 1990-х гг.³².

В 2000-е гг. ситуация стала меняться. Исследователь И. Нарский предпринял попытку рассмотреть мешочничество через призму истории повседневности. Указывая на широчайшее распространение нелегального снабжения, он определяет его формы, а также и значение для спасения жителей городов. При этом он выявляет прямую взаимосвязь изменения продовольственной политики и эволюции мешочничества: в частности, при «белых» существовали рыночные отношения и умеренная спекуляция, после их отступления уничтожался рынок и начиналось мешочническое «паломничество»³³.

Историк А.А. Ильюхов в своей содержательной работе, увидевшей свет в 2007 г., дал развернутую характеристику мешочничества как «нетрадиционного источника обеспечения существования», основной формы самоснабжения населения «вопреки продовольственной диктатуре». Впрочем, нельзя согласиться с определением автором данного феномена как «явления военного коммунизма»: мешочнические волны поднимались и в дальнейшем, в периоды разрушения систем снабжения³⁴.

На материалах крупного региона – европейского Севера России – основные тенденции эволюции нелегального рынка выявляет современный исследователь В.А. Саблин. Автор показывает, что масштабы и формы мешочничества изменялись под влиянием и по мере складывания государственного механизма заготовки и распределения продовольствия, однако его роль оставалась значительной на протяжении всего периода военного коммунизма³⁵.

Наконец, в последние годы появляются работы, в которых движение «ходовоков-мешочников» тесно увязывается с общими проблемами состояния и функционирования местных органов государственной власти в стране в чрезвычайных условиях революции и гражданской войны³⁶.

За пределами России широкое распространение получила точка зрения известного экономиста (осенью 1917 г. – министра продовольствия Временного правительства) С.Н. Прокоповича, идеализировавшего мешочников. «Мешочники, – писал он, – мужчины и женщины с мешками, большей частью из фабричных и ремесленников, совершавших регулярные поездки в какую-либо деревню (иногда за 1000 вёрст) за хлебом и др. продовольственными продуктами. Эти мешочники многих спасли от голодной смерти»³⁷. Современный британский исследователь Д. Хоскинг высоко оценивает спасительную миссию мешочничества, усматривая в нем проявление «поразительной жизнеспособности русских, умеющих находить способы существования в самых невероятных условиях»³⁸.

Разумеется, следует удерживаться от идеализации, равно как и от очернения нелегального снабжения. Оно представляло собой крайне противоречивое явление. Присущие ему антагонизмы пытался всесторонне исследовать автор этой статьи в докторской диссертации и в опубликованных им в 2000-е гг. книгах³⁹. В целом симпатии автора находятся на стороне мешочников при полном осознании необходимости констатации негативных сторон их деятельности. Мешочничество представляло собой воплощение элементов деградации общества. Но и советская продовольственная диктатура отнюдь не была олицетворением социального прогресса; наоборот, в силу присущего ей прожектерства она стала прямой дорогой в тупик, к гибели общества. Приходилось выбирать между меньшим и большим злом. Большевицкая власть – в значительной степени по причине

³² Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. Л., 1990. С. 198; Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918-1922). Харьков, 1990. С. 300.

³³ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 20, 482, 485.

³⁴ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007. С. 127, 263.

³⁵ Саблин В.А. Крестьянское хозяйство на европейском Севере России (1917-1920). М., 2009. С. 355, 356.

³⁶ См., напр.: Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917-1920-е гг.). СПб., 2011. С. 310-311.

³⁷ Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 2. Нью-Йорк, 1952. С. 147.

³⁸ Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 59.

³⁹ Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. Мешочники. 1917-1921 гг. СПб., 2004; Он же. Мешочники и диктатура в России. 1917-1921 гг. СПб., 2007.

приверженности идеологической догме – выбрала большее зло и упрямо двигалась к своей цели. В таких условиях мелкая нелегальная торговля стала главным каналом связи города с деревней. Мешочничество не только сыграло решающую роль в недопущении полной натурализации крестьянского хозяйства, в сохранении товарообмена между городом и деревней, но и препятствовало распаду связей между отдельными регионами страны (фронты и границы не стали непреодолимым препятствием для вездесущих мешочников). В своих книгах автор подробно характеризует формы, методы деятельности и облик нелегальных снабженцев, их сложные взаимоотношения с государственными структурами.

Таким образом, в настоящее время обнаруживается отход от целиком преобладавшего в советский период изображения мешочничества в контексте исследования победоносной продовольственной политики Советской власти. В постперестроечные годы выявляется разнообразие подходов и оценок. Связанные с российским мешочничеством сюжеты начинают рассматриваться как важная составная часть социальной истории, в широком смысле – истории людских взаимоотношений в экстремальных условиях «русской смуты». Современные авторы стремятся определить место мешочнического рынка в экономической жизни, представить его в контексте изучения военно-коммунистической политики, деятельности органов государственной власти и повседневной жизни россиян.

RUSSIAN PRIVATE SPECULATION IN THE CIVIL WAR (DEFINITIONS AND HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE)

A.Yu. DAVYDOV

*Russian State Pedagogical
University named
after A.I. Herzen*

e-mail: davydov.au@mail.ru

The article reveals the concept of "Russian private speculation". It was found out how its interpretation varied at different stages of history. The author focuses on the evolution of the main historiographical approaches to the characteristics of the private speculation and illegal market in the period of the civil war in Russia.

Keywords: historiography, civil war, military communism, private speculation, self-supply, the black market, walkers, speculation, food dictatorship, barrier troops.